

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Кравченко

**Рецензия на кн.: КОШЕЛЕВ А. Д. ОЧЕРКИ
ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА.
М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 528 с.
(Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1*

Разрабатываемая А.Д. Кошелевым новая теория языка рассматривается и оценивается с позиций наметившегося в современной когнитивной науке парадигмального сдвига от анализа к синтезу и диктуемой им необходимости междисциплинарных подходов к исследованию языка.

Ключевые слова: деятельность; язык; сенсорный подязык; функциональный подязык; прототип; функция, базовый концепт; развитый концепт; языковой онтогенез; антропогенез.

Книга состоит из предисловия, введения, шести глав, списка литературы и пяти указателей. В предисловии автор объясняет, что разработка новой теории необходима для преодоления фундаментальных изъянов лингвистических подходов второй половины XX в., приведших теоретическую лингвистику к кризису; яркое проявление этого кризиса — одновременное существование множества противоречащих друг другу теорий языка.

Введение является очерком разрабатываемой эволюционно-синтетической теории языка (далее — ЭСТЯ) и состоит из трех частей. В первой части обрисовываются основы ЭСТЯ, которая базируется на двух положениях: (1) язык изучается как компонент элементарной модели человека «Мышление — Деятельность — Язык», в которой Деятельность — это главный компонент, а Язык — зависимый; поэтому изучение языка тесно связано с изучением других компонентов; (2) компоненты модели исследуются в онтогенезе, что позволяет проследить трансформацию исходно синкретичных детских образований (восприятия, представления мира и др.) в системы взаимосвязанных компонентов. В результате язык предстает как

Кравченко Александр Владимирович — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации (ИФИЯМ) (e-mail: sashakr@hotmail.com).

совокупность двух последовательно возникающих составляющих: Язык = Универсальный сенсорный подязык + Этноспецифичный функциональный подязык, где сенсорный подязык используется для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, а функциональный подязык — для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира.

Усвоение родного языка начинается у детей с освоения сенсорного языка — слов и фраз, с помощью которых ребенок описывает наблюдаемые ситуации взаимодействия Агенса с целыми предметами, опираясь на хранящуюся в его памяти перцептивную модель мира. Эта модель универсальна и формируется у ребенка до и независимо от языка в результате его когнитивного развития. Впоследствии воспринимаемые ребенком синкретичные ситуации дифференцируются на предметные и двигательные протоконцепты — синкретичные представления предметов и действий, у которых еще не дифференцировались визуальная и функциональная составляющие, а к концу второго года протоконцепты превращаются в базовые концепты — представления предметов и действий с дуальной структурой «Прототип (типичный образ) ← Функция (интерпретация образа)». Они становятся исходными значениями сенсорной лексики (*стул, дерево, банан, озеро, бежать, есть, копать, зеленый, деревянный*); ее референты доступны прямому (внеконтекстному) распознаванию только на основе своего внешнего вида. В результате у ребенка полутора-двух лет формируется следующая модель человека: Представление мира = Перцептивная модель мира;

Язык = Сенсорный язык;

Деятельность = Пространственные действия.

В процессе последующего этапа когнитивно-языкового развития ребенка, в котором компоненты модели тесно взаимодействуют друг с другом, все они дополняются новыми составляющими. Так, базовые концепты трансформируются в партитивные — системы частей базовых концептов, структура которых отражает отношение иерархии «главный — дополнительный» между их частями. Тем самым развиваются исходные значения сенсорной лексики, дополняясь партитивными составляющими. С ростом числа функциональных понятий сенсорный язык получает функциональное расширение, а в дополнение к перцептивной модели начинает формироваться функциональное представление о мире. Благодаря этому прежние действия ребенка дополняются множеством сугубо человеческих, предметных (по Н.А. Бернштейну) действий, требующих взаимодействия с отдельными частями предмета (застегивать липучки на обуви, собирать паззлы и под.). Модель мира у трехлетнего ребенка принимает следующий вид:

Представление мира = Перцептивная модель + Функциональное представление;

Язык = Сенсорный язык + Функциональный язык;

Деятельность = Пространственные действия + Предметные действия.

Это — минимальная трехкомпонентная модель человека, которая становится неадекватной при исключении из нее любого элемента. Ее адекватность повышается при включении следующих трех компонентов: мозгового — фиксирующего онтогенетическое развитие мозговых субстратов; социального — отражающего влияние социума на развитие ребенка; анатомического. При этом главным компонентом остается Деятельность, успешную реализацию которой призваны обеспечить все остальные компоненты. Выдвигается гипотеза о двух генетически обусловленных этапах развития ребенка: прачеловеческом (конец первого — конец второго года) и человеческом (конец второго — конец третьего года), на котором сугубо человеческие предметные действия обеспечиваются предметными и двигательными партитивными концептами, а в лексиконе человеческого языка содержатся функциональные имена (*сорняк, драчун, соня, лопает [ест], хныкает, учит, красивый*), обозначающие референтные классы, не имеющие общего прототипа и потому недоступные непосредственной идентификации — в отличие от сенсорного лексикона языка прачеловека, в котором функциональных имен нет. Кроме того, однозначная лексика сенсорного языка становится многозначной, дополняясь производными (метафорическими и метонимическими) значениями. Опираясь на известные работы С. Дробышевского, А.В. Маркова и Е.Н. Панова, автор дает общую схему антропогенеза как последовательности чередующихся эволюционных скачков и эволюционных стадий, а эволюционным критерием каждого скачка, порождающего новый вид гоминид, выступает качественное расширение круга деятельности прежнего вида.

Во второй части введения модель мира человека получает дальнейшее развитие на примерах анализа сенсорной лексики. В третьей части описание сенсорного языка продолжается уже на уровне сенсорных грамматических единиц, значениями которых становятся грамматические концепты с той же структурой («Прототип ← Функция»), которая характерна для сенсорной лексики. Здесь поясняется процесс усвоения ребенком сенсорных значений: поскольку эти значения уже присутствуют в виде концептов в детском представлении мира, главная задача ребенка заключается в соотношении слышимых слов с этими концептами-значениями; этот же механизм действует и при усвоении грамматических единиц. Примерами сенсорных грам-

матических значений являются глагольная переходность, структура двухсловного предложения, падеж, время, число, вид, наклонение, залог. Подчеркивается, что сенсорный язык — исходная и вполне самостоятельная часть человеческого языка, а все остальное — функциональное расширение сенсорного языка, или функциональный язык. Рассматривая лексические и грамматические функциональные единицы, значения которых являются функциональными дериватами сенсорных единиц, автор подчеркивает, что именно благодаря им язык обретает одно из своих фундаментальных свойств — многозначность языковых единиц.

В конце введения автор предлагает объяснение известного парадокса: поразительное многообразие и одновременно единство языков. Он объединяет идеи универсальной грамматики Н. Хомского с ее принципами и параметрами и подход к языку Аристотеля. Автор полагает, что в основе единства языков лежит универсальная перцептивная модель мира, а сенсорный язык играет роль начальной стадии языка с установленными параметрами. Таким образом, языковое разнообразие множества конкретных языков обусловлено разнообразием их сенсорных языков, представляющих собой разные способы кодирования универсальной перцептивной модели мира. В заключительном замечании еще раз подчеркивается подчиненный статус языка в модели человека, определяющий его главную функцию — «помогать реализации общей цели модели, а именно: а) участвовать в осмыслении и планировании различных видов деятельности, т.е. способствовать человеческому мышлению, и б) обеспечивать описание этой деятельности другим ее участникам, т.е. служить средством коммуникации» [с. 108].

В следующих за введением главах отдельные положения ЭСТЯ освещаются и развиваются более детально. В первой главе приводятся доказательства того, что лингвистика находится в глубоком кризисе, из которого надо срочно искать выход; таким выходом может послужить построение эволюционно-синтетической теории языка.

Во второй главе излагаются принципы описания основных значений сенсорной лексики. На примере существительных, обозначающих «видимые» предметы и физические действия, рассмотрена процедура определения основного (= сенсорного) значения слова и категории его прямых референтов. Показывается, что словарные и научные толкования сенсорных слов, как правило, описывают лишь прототипический компонент основного значения слова, а описание главного — функционального — компонента в толкованиях либо отсутствует, либо редуцировано.

Третья глава посвящена базовым концептам как нейробиологическим кодам памяти. Взяв за основу понятие «базовый концепт», предложенное в исследованиях Э. Рош, К. Мервис, Д. Лакоффа и др. и имеющее, в случае предметного концепта, формулу «концепт X = форма + действие человека с ней», автор видоизменяет его структуру, добавляя к визуальной форме предмета его функцию, а к визуальному действию — психофизическое состояние человека, осуществляющего это действие. Несмотря на то что предметные концепты базового уровня принято считать исходными таксономическими единицами, автор показывает, что они на самом деле вторичны, так как определяются через более элементарные когнитивные единицы — двигательные концепты.

Далее кратко излагаются результаты нейробиологических исследований Д. Циня [2007], в которых экспериментальным путем выявлен механизм, лежащий в основе памяти и состоящий в том, что те или иные взаимодействия организма со средой отображаются в активации отдельных групп нейронов (нейронных клик). При многократном повторении однотипных событий их типизированный код памяти (в виде ансамбля клик) переходит из эпизодической в долговременную память¹. Анализируемое автором психофизическое состояние человека (напр. имер, при сидении, ходьбе, беге) рассматривается как нейронный код долговременной памяти, т.е. двигательный концепт, включающий три компонента: кинематику, динамику и мотив (цель) действия, соответствующие трем этапам распознавания действия. Трехкомпонентная структура действия противопоставляется, как более адекватная, двухкомпонентной структуре «кинематика — цель», постулируемой теорией зеркальных нейронов Д. Риццолатти и К. Синигалья.

В четвертой главе описываются приименный генитив, глагольная переходность и залоговые конструкции как элементы сенсорной грамматики. Автор показывает, как базовая структура концепта влияет на корректность/некорректность употребления конструкций с приименным генитивом (например, *дверь дома/*антенна дома, ручка двери/*глазок двери*). Выдвигается гипотеза, что во множестве грамматических единиц имеются сенсорные единицы, и их значения структурно и генетически сходны с лексическими значениями. Доказательству этой гипотезы посвящены разделы о глагольной переходности и залого.

¹ Выявленный Д. Цинем механизм подтверждает предложенный ранее теоретический механизм накопления опыта/знания как сохраняющихся во времени специфических состояний активности нервной системы, вызванных взаимодействиями [Кравченко, 2001: 196; Kravchenko, 2008: 98].

В пятой главе обобщаются и получают дальнейшее развитие основные положения, сформулированные в предыдущих главах. Вводятся такие понятия, как развитый концепт, отношение развития, два уровня иерархии развитого концепта, когнитивный конструктор как исходный язык мысли и др. Рассматривается процесс концептуализации предметных свойств (цвета, размера, формы), в результате которого расширяется словарь элементарных когнитивных единиц ребенка; показывается аналогичность структуры двигательного концепта, задающего базовую ситуацию, структуре развитого предметного концепта и то, как базовые ситуации дифференцируются и превращаются в актантные ситуации с двигательным концептом как главным элементом.

Обращаясь к распространенному пониманию языка мысли как универсальной, независимой от конкретного языка системы концептов и отношений, посредством которых человек представляет свои мысли (структуры концептов) и языковые значения, автор указывает на разделенность перцептивного и концептуального уровней мышления, характерную, например, для Естественного семантического метаязыка А. Вежбицкой. Подобную разделенность помогает преодолеть отождествление языка мысли с когнитивным конструктором, который содержит единицы обоих этих уровней: перцептивные «атомы», или прототипы, представляющие перцептивный мир, и функциональные (интенциональные) «атомы» — человеческие осмысления этих прототипов, в дополнение к которым вводится отношение интерпретации, соотносящее с прототипами приписываемые им функции. Тем самым создаются дуальные комплексы вида «Прототип ← Функция», которые становятся базовыми («молекулярными») структурами предлагаемого языка мысли. Различие между сенсорными и функциональными понятиями лежит в основе дуальной структуры представления мира и языка, при этом если перцептивное представление универсально и не зависит от конкретного языка, функциональное представление этноспецифично, так как является результатом влияния родного языка и жизненного уклада этноса, в котором растет ребенок.

Шестая глава посвящена тому, как структура видов деятельности этноса предопределяет эволюцию языка. Опираясь на теорию Л. Моргана, автор показывает двухэтапный процесс возникновения языка и его социальной эволюции: от сенсорного языка сообщества пралюдей к обыденному языку гомогенного этноса, не имеющего ни одного профессионального вида деятельности, к современному языку гетерогенного этноса с множеством профессиональных видов деятельности. При этом с каждым качественно новым видом

профессиональной деятельности, появляющимся в гетерогенном этносе, связан новый компонент представления мира и новый язык, его обслуживающий. Этот язык служит донором для обновления прежнего языка, т.е. культура оказывает влияние на язык.

Книга читается с интересом, поддерживаемым как самими принципиальными идеями, заложенными в ЭСТЯ (которые можно оценивать по-разному), так и подробным анализом многочисленных примеров, иллюстрирующих выдвигаемые положения. Главное достоинство книги в том, что, заявляя о глубоком кризисе, в котором пребывает теоретическая лингвистика, автор одновременно предлагает путь выхода из него, и направление этого пути намечено в ЭСТЯ. Автор предлагает перестать рассматривать язык как нечто внеположное человеку, а подходить к нему как неотъемлемой части человеческого мышления и деятельности в целом. Это означает переход от идеологии аналитизма к синтетизму и диктуемой им необходимостью междисциплинарных подходов к исследованию языка.

Выделение автором сенсорного подязыка и функционального подязыка в языковом онтогенезе очень важно в методологическом отношении, и понимание этого можно найти еще у Дж. Локка [1960], т.е. намного раньше, чем у А.С. Шишкова, на которого в этой связи ссылается автор. Используемое понятие сенсорного языка и то, как автор понимает его роль в языковом онтогенезе, перекликаются с эволюционной моделью относительной иерархии знаков Ч. Пирса (икона → индекс → символ), в которой, как подчеркивает Т. Дикон [Deacon, 2011], символическая функция языкового знака становится возможной лишь благодаря ее укорененности в индексальной референции. Об исконно присущей словам естественного языка индексальности писали в свое время Б. Рассел, Г.-Н. Кастанеда, У. Куайн² и др., но должного внимания эта чрезвычайно важная для общей теории языка мысль в XX в. не получила. В книге она снова ставится в повестку дня, намечая важный вектор в развитии ЭСТЯ.

То, что компонент «Деятельность» в когнитивной модели человека играет главную роль, не подлежит сомнению. Однако сама модель, в которой Язык противопоставлен Деятельности как зависимый компонент основному, вызывает вопрос: если Деятельность = Пространственные действия + Предметные действия, т.е. Язык и Мышление не являются Деятельностью, то в чем их неразрывная связь с Деятельностью и что служит основанием для рассмотрения Языка именно как зависимого от Деятельности? Правда, автор

² «Членение мира на сущности происходит не сразу. Опорными точками в исходной концептуальной схеме являются увиденные предметы, а не впечатления от них» [Куайн, 1986: 24].

замечает, что «деятельность человека не ограничивается пространственными и предметными действиями. Прежде всего здесь имеются в виду речевые действия. Но они требуют отдельного рассмотрения» [с. 40]. И хотя в книге речевая деятельность упоминается не раз, ее «отдельного рассмотрения» читатель так и не находит, и остается непонятым, какое место в Деятельности занимают «речевые действия», равно как и соотношение между языком и речью — хотя закрадывается подозрение, что автор по инерции использует привычную сосюрговскую дихотомию. Все это позволяет предположить нежелание (возможно, подсознательное) отойти от устоявшегося воззрения на язык как знаковую систему, внешнюю по отношению к человеку и выполняющую инструментальную функцию по передаче информации. Отчасти подтверждением этому служат те места в книге, где говорится о «внешних выражениях» грамматических значений, уже сформированных и хранящихся в модели мира ребенка, о свойстве предложений сенсорного языка передавать слушающему свои референтные ситуации или о сенсорных языках вообще как разных способах кодирования универсальной перцептивной модели мира. В последнем случае у читателя возникает еще один вопрос: если языковое разнообразие множества конкретных языков обусловлено разнообразием их сенсорных языков, но при этом перцептивное представление универсально и не зависит от конкретного языка, в чем истоки разнообразия сенсорных языков?

Трудно согласиться и с пониманием главной функции языка, которая, по мнению автора, состоит в том, что он способствует человеческому мышлению (осмыслению и планированию различных видов деятельности) и обеспечивает эксплицитное описание этой деятельности и представлений о мире другим ее участникам, служа средством коммуникации и основой взаимопонимания. Подобное понимание языка как знаковой системы, «репрезентирующей» нашему сознанию «объективный» мир, уходит корнями в философию объективного реализма, основанную на картезианском рационализме. Современная не-картезианская (биологически ориентированная) когнитивная наука от этой философии отказывается [см.: Кравченко, 2015].

В процессе чтения книги возникает ощущение, что автору близка идеология когнитивизма второго поколения, основанная на понимании воплощенности (корпоральности) когниции [Varela, Thompson, Rosch, 1991], однако ощущение это «смазывается» одним важным обстоятельством, характеризующим подход автора к мышлению и языку: мышление (концептуальные структуры) понимается как представление знаний (что неизбежно при рационалистическом

подходе к когниции), которые выводятся «вовне» посредством языка, функция которого в этом и состоит; при этом, однако, исходные лексические значения парадоксальным образом уже присутствуют в виде концептов, и задача ребенка на раннем этапе языкового развития состоит в соотношении слышимых слов с этими концептами-значениями.

Не имея принципиальных возражений против предлагаемой автором схемы эволюционного развития человека, выскажу, все же, два соображения «по поводу». Во-первых, нормальные условия развития ребенка в современном обществе отличаются от реконструируемой схемы антропогенеза тем, что язык как особый вид деятельности, в которую ребенок погружается буквально с первых минут своей жизни и без которой его полноценное когнитивное развитие невозможно, есть данность, фактор окружающей (социальной) среды, влияние которого на развитие интеллекта ребенка и всего, что с этим понятием связано (в том числе различные виды предметной деятельности) доказано многочисленными исследованиями (и автор с этим не спорит), тогда как существующие глоттогенетические гипотезы исходят, как правило, из параллельного развития интеллекта и языка [см.: Deacon, 1997], а это уже нечто совсем другое. Во-вторых, вряд ли можно предположить, что трансформация исходно синкретичных детских образований в системы взаимосвязанных компонентов происходит без влияния языка, опредмечивающего человеческий мир, тем более что в предлагаемой автором модели мира ребенка язык занимает промежуточное положение между представлением мира и деятельностью.

Считаю, что разрабатываемая автором теория и предложенная им модель человека существенно выиграла бы, если бы автор смог преодолеть навязанное структурализмом понимание языка как средства передачи мыслительного содержания, которое давно и обоснованно подвергается критике [см., например: Harris, 1981; Гаспаров, 1996; Kravchenko, 2017]. Поскольку деятельность человека как живой системы в общем и целом основана на взаимодействиях с окружающей средой, позволяющих регулировать двигательное поведение организма (включая пространственные и предметные действия), имеются весомые основания подходить к языку как видоспецифичной (характерной исключительно для вида *Homo sapiens sapiens*) **Деятельности**, имеющей ориентирующий характер и эволюционно связанной с биологической (ориентирующей) функцией органов чувств высших животных [см.: Morris, 1938; Maturana, 1978]: «Как человеческие существа, мы суть существа, вовлеченные в языковую деятельность (language), и наша человечность коренится в языке» [Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995: 23]. Но в таком случае

элементарная модель человека, предложенная автором, нуждается в серьезной доработке.

Тем не менее, несмотря на ряд «узких мест», не все из которых здесь представляется возможным проанализировать, в целом книгу надо оценить положительно как заметный вклад в развитие отечественной лингвистической мысли, способствующий ее дальнейшему движению вперед по пути познания языка, а, следовательно, и человека. Уверен, что она будет интересна и полезна всем, кто задается вопросом о ближайшем и отдаленном будущем лингвистики как науки.

Список литературы

- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Кравченко А.В.* Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кравченко А.В.* Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ—2014: Сб. мат. М., 2015. С. 697–709.
- Куайн У.В.О.* Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986. С. 24–97.
- Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме // Избр. философские сочинения. Т. 1. М., 1960.
- Цинь Д.* Код памяти // В мире науки. 2007. № 11. С. 18–25.
- Deacon T.W.* The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain. W.W. Norton & Co, 1997.
- Deacon T.W.* The symbol concept // M. Tallerman, K. Gibson (eds.). The Oxford Handbook of Language Evolution. Oxford, 2011. P. 393–405.
- Harris R.* The Language Myth. L., 1981.
- Kravchenko A.V.* Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main etc., 2008.
- Kravchenko A.V.* Making sense of languaging as a consensual domain of interactions: Didactic implications // Intellectica. 2017. № 2 (68). P. 175–191.
- Maturana H.R.* Biology of Language: The Epistemology of Reality // G. Miller, E. Lenneberg (eds.). Psychology and Biology of Language and Thought. N.Y., 1978. P. 28–62.
- Maturana H., Mpodozis J., Letelier J.C.* Brain, language, and the origin of human mental functions // Biological Research. 1995. № 28. P. 15–26.
- Morris C.W.* Foundations of the theory of signs // O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris (eds.), International Encyclopedia of Unified Science. Vol. 1, part 2. Chicago, 1938.
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA, 1991.

Alexander V. Kravchenko

**Review of the Book: KOSHELEV, A. D.
ESSAYS IN THE EVOLUTIONARY-SYNTHETIC THEORY
OF LANGUAGE. M.: YaSK Publishing House, 2017**

*Irkutsk State University,
1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003*

The new linguistic theory developed by Alexei Koshelev is described and evaluated in view of the paradigm shift from analysis to synthesis that begins to show in contemporary cognitive science and calls for interdisciplinary approaches to language studies.

Key words: activity; language; sensory sublanguage; functional sublanguage; prototype; function; basic concept; developed concept; language ontogeny; anthropogeny.

About the author: *Alexander V. Kravchenko* — Full Professor, Department of English Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media-Communication (e-mail: sashakr@hotmail.com).

References

- Gasparov B.M. *Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushchestvovani-ja*. [Language, memory, image. The linguistics of existing in language] Moscow, 1996 (in Russ.)
- Kravchenko A.V. *Znak, znachenie, znanie: Oчерk kognitivnoj filosofii jazyka* [Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language]. Irkutsk, 2001 (in Russ.). English edition: Frankfurt/Main etc., 2003.
- Kravchenko A.V. Ob'ektivnyj realizm i biologija poznanija: epistemologicheskij povорот [External realism and biology of cognition: an epistemological turn] // *Gumanitarnye chtenija RGGU—2014*. Book of Proceedings. Moscow, 2015, pp. 697–709 (in Russ.)
- Quine W.V.O. *Word and Object*. N. Y.; London, 1960.
- Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*. London, 1960.
- Tsien J. The memory code. *Scientific American*, July 2007, pp. 52–59.
- Deacon T.W. *The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain*. W.W. Norton & Co., 1997.
- Deacon T.W. The symbol concept. In M. Tallerman, K. Gibson (eds.), *The Oxford Handbook of Language Evolution*. Oxford, 2011, pp. 393–405.
- Harris R. *The Language Myth*. London, 1981.
- Kravchenko A.V. *Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt/Main etc., 2008.

- Kravchenko A.V. Making sense of languaging as a consensual domain of interactions: Didactic implications. *Intellectica*, 2017, № 2(68), pp. 175–191.
- Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality. In G. Miller, E. Lenneberg (eds.), *Psychology and Biology of Language and Thought*. N. Y., 1978, pp. 28–62.
- Maturana H., Mpodozis J., Letelier J.C. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 1995, № 28, pp. 15–26.
- Morris C.W. Foundations of the theory of signs. In O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris (eds.), *International Encyclopedia of Unified Science*, vol. 1, part 2. Chicago, 1938.
- Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA, 1991.